

Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Невоплощенность в Интернете»¹

Коптева Н.В.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>, e-mail: kopteva@pspu.ru*

Калугин А.Ю.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>, e-mail: kaluginau@yandex.ru*

Козлова Л.А.

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0581-8403>, e-mail: kozlova.l-77@mail.ru*

Отчуждение индивидом собственного физического тела, которое еще недавно ассоциировалось преимущественно со сферой психиатрии, современными исследователями прочно связывается с практикой использования Интернета. Отсутствие научных психологических оснований изучения технологического развоплощения пользователя обуславливает дефицит инструментария, предназначенного для диагностики соответствующей феноменологии. В статье представлена уточненная версия опросника «Невоплощенность в Интернете» (2021), конструктор которого восходит к клинической концепции невоплощенности (unembodiment), принадлежащей известному британскому экзистенциальному психологу Р. Лэйнгу. База пунктов методики была изменена и расширена в целях большего соответствия предмету исследования. Надежность и валидность опросника проверялась в ходе психодиагностического обследования. В нем приняли участие 200 интернет-пользователей (женщины и мужчины поровну). Средний возраст респондентов составил 20,72 лет (SD=5,99). Шкалу предыдущей версии методики оценки невоплощенности в Интернете — «Невоплощенность как виртуализация» — дополнила новая — «Предпочтение технологического развоплощения», конкретизирующая отношение пользователя к своему особому статусу в киберпространстве и заменившая шкалу «Предпочтение Интернета», отражавшую мотивацию более общего плана. Шкала «Витальность воплощенного Я» в уточненной методике разделена на две:

¹ Наборы данных, созданные и проанализированные в ходе текущего исследования, доступны в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/k6ntr>

одноименную, предполагающую широкие проявления бытийной витальности Я, и шкалу «Воплощенное, целостное Я», подразумевающую воплощенность ментального Я собственно в физическом теле. Эмпирический конструкт в целом соответствует теоретическому. Показатели внутренней согласованности шкал опросника варьируют в пределах 0,82–0,91 по разным критериям. Внешняя конвергентная валидность подтверждена посредством Шкалы интернет-зависимости С.Х. Чена.

Ключевые слова: технологическое развоплощение, невоплощенность в Интернете, валидность, надежность, психометрика, личностный опросник.

Для цитаты: Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Козлова Л.А. Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Невоплощенность в Интернете» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2023. Том 12. № 3. С. 165–187. DOI: 10.17759/cpse.2023120308

Psychometric Verification of a Refined Version of the "Unembodiment on the Internet" Questionnaire²

Natalia V. Kopteva

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>, e-mail: kopteva@pspu.ru

Alexey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>, e-mail: kaluginau@yandex.ru

Lyubov A. Kozlova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0581-8403>, e-mail: kozlova.l-77@mail.ru

The alienation of the individual's own physical body, which until recently was associated mainly with the sphere of psychiatry, is strongly associated by modern researchers with the practice of using the Internet. The lack of scientific psychological grounds for studying the technological disembodiment of a user causes a deficiency of tools designed to diagnose the corresponding phenomenology. The article presents a revised version of the questionnaire "Unembodiment on the Internet" (2021), the construct of which goes back to the clinical concept of unembodiment, which belongs to the famous British existential psychologist R. Laing. The item base of the methodology has been changed and expanded in order to be

² The datasets generated and analyzed during the current study are available in the OSF repository at: <https://osf.io/k6ntr>

more relevant to the subject of study. The reliability and validity of the questionnaire was tested during a psychodiagnostic examination. It involved 200 Internet users (women and men equally). The mean age of the respondents was 20.72 years (SD=5.99). The scale of the previous version of the "Unembodiment on the Internet" questionnaire, "Unembodiment as Virtualization", was supplemented by a new one, "Preference for Technological Disembodiment", which specifies the user's attitude towards their special status in the cyberspace, and replaced the "Preference of the Internet" scale, which reflected a more general motivation. The "Vitality of the Embodied Self" scale in the refined questionnaire is divided into two: the scale of the same name, which implies broad manifestations of the embodied self, and the scale of the "Embodied Whole Self", which implies the embodiment of the mental self in the physical body itself. The empirical construct in general corresponds to the theoretical one. The internal consistency scores of the questionnaire scales range from 0.82–0.91 for different criteria. External convergent validity was confirmed by the Chen Internet Addiction Scale (CIAS).

Keywords: technological disembodiment, unembodiment on the Internet, validity, reliability, psychometrics, personality questionnaire.

For citation: Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Kozlova L.A. Psychometric Verification of a Refined Version of the "Unembodiment on the Internet" Questionnaire. *Klinicheskaiia i spetsial'naia psikhologiya=Clinical Psychology and Special Education*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 165–187. DOI: 10.17759/cpse.2023120308 (In Russ., abstr. In Engl.)

Введение

К наиболее значимым последствиям применения современных информационных технологий философы относят развоплощение их пользователя. С возможностью избавления «в эфире» от тела, а заодно от действия законов материального мира М. Маклюэн связывает кардинальное изменение человеческой психологии [5]. В.П. Зинченко и В.А. Подорога говорят о глобальном антропологическом кризисе, порожденном технологиями, которые снабдили человека «диджитал» телом и новым опытом, не соответствующим всему прежнему телесному опыту [7]. З. Бауман возражает прозелитам киберпространства, утверждающим, что именно там личность освобождается от ограничений, связанных с физическим существованием: «в киберпространстве тела не имеют значения — хотя само киберпространство имеет значение, причем решающее и бесповоротное, для существования тел» [1, с. 33].

Внимание исследователей в области социальных и гуманитарных наук к феномену, представляющему собой не только одно из основных последствий применения технологий виртуальной реальности, но и специфический механизм их воздействия на человека, вполне закономерно. Статус потребителя информационных технологий определяется как связанный с трансцендированием физического тела, отождествлением себя с местом на экране, ограниченностью физического присутствия, преодолением телесности, дистанцированием от реального тела; он именуется цифровым развоплощением (disembodiment), дематериализацией, развеществлением, бестелесностью, бессубстанциональностью, «растворенной телесностью» и т.д. Особую форму идентичности в киберпространстве называют виртуальной, а опыт

пребывания в нем — зависящим от фактического подавления тела. Создается, однако, впечатление, что разнообразие обозначений феномена в научных, в частности, психологических исследованиях компенсирует отсутствие соответствующего концепта. Это влечет за собой дефицит предназначенного для диагностики технологического развоплощения инструментария, а также определяет характер имеющихся немногочисленных эмпирических работ. Профессор Техасского университета Сеок Канг, изучая развоплощение в социальном онлайн-взаимодействии (disembodiment in online social interaction) в связи с психологическим благополучием, ограничивается критериями наличия у пользователя личной сети и активности онлайн-коммуникации [25].

Н.В. Коптевой, А.Ю. Калугиным и Л.Я. Дорфманом предложены теоретический конструкт невоплощенности в Интернете и восходящая к нему одноименная диагностическая методика [10; 11], в качестве основания которых принят подход британского психиатра Р. Лэйнга к психопатологии шизоидных пациентов, отождествляющих себя с разумом, отлученным от тела.

Первая версия методики «Невоплощенность в Интернете» в 2021 году прошла психометрическую проверку, подтвердившую валидность ее эмпирического конструкта, надежность и возможность практического применения [11]. Появлению планов относительно совершенствования методики положили начало конструктивные замечания анонимного рецензента журнала «Клиническая и специальная психология», за которые авторы выражают ему глубокую благодарность. В публикации методики были упомянуты некоторые конкретные направления ее развития. Последующие исследования с помощью опросника «Невоплощенность в Интернете» позволили определить ее в качестве новой технологической формы самоотчуждения, предиктора смыслоутраты, а также обнаружить связь с ослаблением убеждений в личной эффективности и изменением психологических границ при пользовании техническими средствами коммуникации. Они также способствовали прояснению некоторых перспектив дальнейшего поиска измерений феномена невоплощенности в Интернете, которые определили настоящее исследование.

Теоретический конструкт методики

Замысел первой версии методики «Невоплощенность в Интернете» предполагал установление с ее помощью проявлений технологического развоплощения по аналогии с клинической моделью Р. Лэйнга, согласно которой невоплощенность (ментального Я в теле) приводит к дереализации Я, утрате «чувства своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной личности» [12, с. 32], а поскольку тело опосредствует взаимодействие с миром, — к ослаблению способности переживания его реальности, неизменности вещей, надежности, субстанциональности природных процессов [12]. Сходные последствия мы рассчитывали обнаружить при невоплощенности в Интернете, которая мыслилась как обязанная своим происхождением не только технологиям, но и особенностям пользовательской активности. В качестве маркеров отчуждения тела подразумевались выбор «жизни в Интернете», а также наличие симптоматики, близкой к физиологической симптоматике интернет-зависимости, свидетельствующей о пренебрежении нуждами организма. Последнее соответствует представлениям Р. Лэйнга о том, что даже

относительно безобидные отклонения в состоянии здоровья мешают человеку чувствовать себя полностью воплощенным [24]. Исходя из этого, были обозначены возможные шкалы методики: *Невоплощенность как виртуализация, Предпочтение Интернета и Проблемы со здоровьем*. Однако в ходе эмпирической верификации опросника посредством факторного анализа выявилась структура, компоненты которой соответствовали только двум первым шкалам. Содержание пунктов шкалы *Предпочтение Интернета* отражало привлекательные стороны онлайн-существования: возможность получения опыта, недоступного вне сети, опосредствованного, контролируемого, относительно безопасного общения и самовыражения. На возможные последствия такого предпочтения указывала шкала *Невоплощенность как виртуализация*, раскрывающая негативные переживания, связанные с отстранением от своего тела, отождествляемого с ролями и персонажами в Интернете, и от поведения, поступков в реальной жизни, а также раскрывающая проблематизацию существования, ощущение его иллюзорности. Третья компонента собрала некоторые из обратных пунктов, предназначенных для всех предполагаемых шкал, и получила название *Витальность воплощенного Я*. Пункты шкалы объединяли характеристики, присущие воплощенному в теле «самообосновывающему» Я (удовлетворенность своим телом, здоровьем, внешностью, качеством сна) с характеристиками, указывающими на управление жизнью офлайн, саморегуляцию и адаптивность. Факт присутствия в методике, предназначенной для диагностики технологического развоплощения, измерения, содержащего описание личности, которая «ощущает, что состоит из плоти, крови и костей, что она биологически жизнеспособна и реальна» [12, с. 61], мог служить подтверждением положения Р. Лэйнга о том, что «каждый человек, даже самая невоплощенная личность, переживает самого себя как сложным образом связанного со своим телом» [12, с. 60].

Таким образом, первая версия методики «Невоплощенность в интернете» включала три шкалы: *Предпочтение Интернета, Невоплощенность как виртуализация, Витальность воплощенного Я* (6, 5 и 7 пунктов соответственно). Для оценки содержания пунктов использовалась четырехбалльная шкала Ликерта; в целях снижения эффекта средних ответов нейтральный вариант ответа был удален). В методике отсутствовала шкала, отражающая отношение человека к отстранению от физического тела в Интернете. В частности, шкала *Предпочтение Интернета* определяла мотивацию его использования в общем плане, сближаясь по смыслу с подобными шкалами диагностических инструментов, предназначенных для иных целей: *Предпочтение онлайн-общения* в опроснике Проблемного использования интернета [6] и *Психологическая зависимость* в методике оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) [13]. Эту менее специфичную шкалу в уточненной версии методики было решено заменить новой, выявляющей мотивацию собственно технологического развоплощения. В концепте Р. Лэйнга мотивы шизоидного развоплощения продиктованы остро переживаемой необходимостью защиты индивидом хотя бы части своего бытия от угрожающей ему действительности. В случае информационных технологий принципиальное значение имеет отношение человека к бестелесному статусу как неизбежному следствию использования информационных технологий и косвенно — к своему телу. Известный американский писатель К. Воннегут иронически формулирует разделяемое многими людьми мнение: «В человеке только один ум чего-то стоит. Зачем же он привязан к мешку из кожи, с кровью, волосами, мясом, костями и сосудами? Стоит ли удивляться, что люди ничего не могут достигнуть, раз

они связаны по рукам и ногам этим паразитом, которого надо всю жизнь набивать жратвой и оберегать от непогоды и от микробов. И все равно эта дурацкая штука снашивается — как бы ее не холили и не лелеяли» [4, с. 3]. В оригинале название процитированного фантастического рассказа, описывающего будущее, в котором мечта избавиться от «мяса» (хотя без помощи цифровых технологий) осуществилась, звучит как приговор телу — «Unready to wear» («Непригодно к носке»), что в оптимистическом варианте перевода значит «Налегке», а в нейтральном — «Люди без тел»).

В суждениях, составивших пункты шкалы, были заимствованы наиболее удачные определения мотивации и образов развоплощения, встретившиеся нам в научных и публицистических текстах и отражающие возможности:

- *убежать из собственного тела* как одного из основных мотивационных факторов для участия в виртуальных пространствах [16];
- *отделиться от «мяса»*, благодаря чему развоплощенное бестелесное человеческое сознание (disembodied human consciousness) будет способно пересекать обширные киберпсихические пространства глобальной информационной матрицы [17, с. 3];
- *пребывать в сети «в качестве бестелесного голоса»* [28];

Также при конструировании пунктов были учтены распространенные сленговые выражения «зависать», «виртуализироваться», передающие специфику цифрового развоплощения и соответствующего ему состояния.

Новая шкала *Предпочтение технологического развоплощения* содержательно более органично дополнила шкалу прежнего опросника *Невоплощенность как виртуализация*.

С учетом неоднородности проявлений воплощенности было принято решение разделить шкалу *Витальность воплощенного Я* на две — одноименную, отражающую широкие проявления бытийной витальности воплощенного Я, и *Воплощенное, целостное Я*, отражающую переживанию единства Я и физического тела. Эти две шкалы составили взаимодополняющие измерения воплощенности пользователя вне сети. В уточненном конструкте, таким образом, оказались симметрично представленными измерения, соответствующие «удвоенному» способу бытия человека цифровой эпохи: воплощенному и развоплощенному; нормативному и выходящему за границы нормы использованию Интернета. Согласно количеству дескрипторов, предполагаемая структура опросника состояла из четырех шкал, для измерения которых были разработаны 100 пунктов.

Цель настоящего исследования заключалась в совершенствовании измерений методики в плане большей адекватности диагностируемому феномену и исходной теоретической модели.

При разработке опросника «Невоплощенность в Интернете» были сформулированы исследовательские *гипотезы*, заключающиеся в предположениях о:

- 1) согласованности уточненного теоретического конструкта с эмпирическими данными;

- 2) достаточной надежности и дискриминативности шкал опросника;
- 3) внутренней и внешней конвергентной валидности опросника.

Метод

Процедура исследования. Выборка набиралась с помощью техники «снежного кома». Информация об исследовании распространялась через социальные сети, обязательным требованием к участникам было активное использование Интернета (более 8 часов в день, используя любое устройство). Сбор данных проводился анонимно в онлайн-режиме с использованием платформы Google Forms. Время заполнения в среднем составило 10 минут. В качестве поощрения участникам исследования сообщались результаты по методике «Шкала интернет-зависимости» С.Х. Чена.

Участники исследования. В исследовании приняли участие Интернет-пользователи, всего 200³ человек (поровну женщины и мужчины) от 16 до 39 лет, средний возраст которых составил 20,72 лет (SD=5,99).

Методы исследования. Для проверки содержательной валидности новой версии методики использовался экспертный опрос.

Участникам исследования была предложена уточненная методика «Невоплощенность в Интернете», включающая 35 пунктов, разработанная авторами статьи. В соответствии с теоретическим конструктом предполагались четыре шкалы: *Невоплощенность как виртуализация*, *Воплощенное, целостное Я*, *Витальность воплощенного Я*, *Предпочтение технологического развоплощения*. Преобразование «сырых» баллов в стандартизированную шкалу не производилось, результаты по шкалам получались путем суммирования входящих в них пунктов. Респонденты оценивали свои ответы по шкале Ликерта: «полностью не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «полностью согласен». Нейтральный вариант ответа не использовался, что позволило снизить эффект средних ответов.

Для оценки внешней конвергентной валидности методики изучались связи ее измерений со Шкалой интернет-зависимости С.Х. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) [19], признанной одним из наиболее совершенных инструментов диагностики интернет-зависимости [26]. Методика адаптирована для русскоязычной выборки В.Л. Малыгиным, Феклисовым и др. [8]. Она содержит 5 частных оценочных шкал: *Компульсивные симптомы* (альфа Кронбаха (α) в текущем исследовании составила 0,80), *Симптомы отмены* ($\alpha=0,81$), *Толерантность* ($\alpha=0,74$), *Внутриличностные и связанные со здоровьем проблемы* ($\alpha=0,83$), *Проблемы управления временем* ($\alpha=0,76$). Также методика включает два типа надшкальных критериев — *Ключевые симптомы*

³ Достаточна ли данная выборка для обнаружения искомого эффекта? Для определения объема выборки авторы обратились к онлайн-калькулятору (<https://www.danielsoper.com/statcalc/calculator.aspx?id=89>), были сделаны следующие настройки: ожидаемый размер эффекта — средний (0,3), уровень статистической мощности — 0,8, количество латентных переменных — 4, количество наблюдаемых переменных — 24, уровень статистической значимости — 0,05. Для таких настроек минимальный размер выборки составлял 137 наблюдений, а рекомендуемый — 200. Таким образом, объем выборки исследования позволяет обнаружить средний размер эффекта.

интернет-зависимости ($\alpha=0,91$) и Проблемы, связанные с интернет-зависимостью ($\alpha=0,87$), а также общий балл ($\alpha=0,94$).

Анализ данных. Нормальность распределения пунктов и шкал устанавливалась при помощи критерия Шапиро–Уилка. Критерии нормальности при больших объемах выборок могут быть чрезмерно чувствительны даже к малым отклонениям от нормального распределения, поэтому дополнительно нормальность оценивалась с помощью асимметрии и эксцесса. Значения асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 могут считаться «отличными», а ± 2 — «приемлемыми» [21]. Также были оценены эффекты «потолка и пола» (ceiling-floor effect), которые могут быть проблемой для некоторых видов анализа и снижают возможную величину вариации переменной [14]. Считается, что если самое нижнее или самое верхнее значение набирают более 15% респондентов, то можно говорить о наличии указанных эффектов [27; 29]. Данные эффекты имеют значение для шкал, но не для пунктов разрабатываемого опросника, где всего 4 варианта ответа.

Конструктивная валидность опросника проверялась при помощи анализа главных компонент с Varimax-вращением. Оптимальное количество компонент определялось с помощью критерия Кайзера–Гуттмана и критерия Велицера MAP (Minimum average partial correlation).

Посредством конфирматорного факторного анализа (КФА) тестировались альтернативные модели опросника, способные объяснить эмпирические данные: бифакторная, иерархическая, коррелирующая и некоррелирующая. Первые три модели были эквивалентными, поэтому сравнивались по информационным критериям AIC и BIC: чем меньше их значение, тем лучше модель. Некоррелирующая модель была вложенной в коррелирующую, поэтому данные модели сравнивались на основе разницы статистики хи-квадрат ($\Delta\chi^2$). В иерархической, коррелирующей и некоррелирующей моделях допускалось проведение ковариации ошибок между пунктами одной шкалы. В бифакторной модели ковариации не допускались. Методом оценки в КФА был робастный метод максимального правдоподобия MLR, не требующий нормальности распределения переменных. Для оценки соответствия моделей эмпирическим данным и их сравнения между собой использовались следующие индексы пригодности: скорректированная статистика χ^2 , индекс Такера–Льюиса (TLI), сравнительный индекс соответствия (CFI), корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (RMSEA), стандартизованный корень среднеквадратического остатка (SRMR), информационный критерий Акаике (AIC) и Байесовский информационный критерий (BIC). Были приняты следующие пороговые значения индексов: CFI и TLI $> 0,90$ — приемлемое соответствие [15], $> 0,95$ — хорошее соответствие [23]; RMSEA $< 0,08$ — приемлемое соответствие, $< 0,05$ — хорошее соответствие [18]; SRMR $< 0,08$ — хорошее соответствие [23]. В статье приведены робастные значения TLI, CFI и RMSEA.

Для оценки конвергентной валидности шкал методики применялся ранговый корреляционный анализ Спирмена. Надежность оценивалась при помощи ряда показателей внутренней согласованности: альфа Кронбаха, омега МакДональда и показатель наибольшей нижней границы (Greatest Lower Bound), устойчивый к ненормальному распределению [30]. Значения выше 0,7 говорят об удовлетворительной надежности, выше 0,8 — хорошей, выше 0,9 — отличной.

Дискриминативность шкал, т.е. их способность различать респондентов по выраженности рассматриваемого признака, изучалась с помощью модифицированного коэффициента Δ Фергюсона [20] для политомических шкал [22], таких как шкалы Ликерта. Значение критерия близкие к единице говорят о высокой дискриминативности, значения близкие к нулю — об отсутствии дискриминативности.

Анализ данных проводился в среде языка программирования R (R v. 4.0.3 от 10.10.2020); использовались пакеты: MBESS 4.8.1 (релиз 16.10.2021), lavaan 0.6-15 (релиз 14.03.2023), psych 2.1.9 (релиз 22.09.2021), semPlot 1.1.2 (релиз 20.08.2019).

Результаты

Содержательная валидность. В таблице 1 приведены уточненные шкалы методики «Невоплощенность в Интернете», а также критерии для разработки и оценки потенциальных пунктов, из которых они могут состоять.

Таблица 1

Теоретические шкалы конструкта Невоплощенности в Интернете и критерии оценки пунктов экспертами

Теоретические шкалы конструкта Невоплощенности в Интернете	Критерии оценки пунктов экспертами
1. Предпочтение технологического развоплощения	<ul style="list-style-type: none">• констатация опыта бестелесности в Интернете, его позитивная оценка;• указание на мотивы развоплощения;• негативная оценка физического Я, свидетельства его отчуждения
2. Невоплощенность как виртуализация	Переживания нереальности, проблематизация: <ul style="list-style-type: none">• развоплощенного Я;• окружающей действительности;• существования в целом
3. Воплощенное, целостное Я	Указание на: <ul style="list-style-type: none">• хорошую физическую форму и заботу о ней;• активный образ жизни;• здоровье;• отсутствие недугов, связанных с чрезмерным использованием Интернета и гиподинамией;• удовлетворенность внешностью
4. Витальность воплощенного Я	Свидетельства полноты жизни и активности, жизнеспособности, адаптивности офлайн

В качестве экспертов выступали авторы статьи и группа (3 человека) аспирантов факультета психологии. Авторы статьи на протяжении ряда лет занимаются проблематикой невоплощенности в Интернете, ими разработан первый вариант методики, модификация которой осуществлена в настоящем исследовании. Среди привлеченных к экспертизе пунктов аспирантов были занимающиеся как

смежной, так и сторонней по отношению к исследуемому конструкту проблематикой. В итоге обсуждения экспертами пунктов «Невоплощенность в Интернете» на предмет соответствия критериям оценки проверку прошли 35 утверждений из 100 разработанных вопросов. Решение выносилось коллегиально, пункт принимался при условии единогласной поддержки всеми экспертами.

Описательные статистики. Каждый пункт варьировал от 1 до 4 баллов, т.е. был охвачен весь диапазон вариантов ответа. Шкалы *Предпочтение технологического развоплощения*, *Воплощенное, целостное Я* и *Витальность воплощенного Я* варьировали от 6 до 24 баллов, шкала *Невоплощенность как виртуализация* — от 6 до 23.

Проверка распределения пунктов на нормальность с помощью критерия Шапиро–Уилка показала, что все пункты значительно отклоняются от нормального распределения ($p < 0,001$). Значения асимметрии вышли за пределы ± 2 в случае с пунктом № 1, а эксцесса — в случае с пунктами №№ 1, 3, 9, 13, 15, 17, 19, 21. За границу ± 1 по асимметрии вышли пункты №№ 3, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 24; по эксцессу — пункты №№ 5, 7, 20. Шкалы *Невоплощенность как виртуализация* и *Витальность воплощенного Я* имеют приемлемую асимметрию и выраженный эксцесс. Шкалы *Предпочтение технологического развоплощения* и *Воплощенное, целостное Я* имеют удовлетворительные асимметрию и эксцесс. Таким образом, проверка нормальности распределения продемонстрировала выраженную асимметрию и эксцесс, поэтому в дальнейшем при оценке валидности использовались устойчивые к ненормальности критерии. Подробнее описательные статистики представлены в Приложении Д1 в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/kbnttr>.

Проверка на эффекты «потолка и пола» обнаружила наличие эффекта «пола» для шкалы *Невоплощенность как виртуализация* (43% респондентов) и шкалы *Предпочтение технологического развоплощения* (16%). Для шкалы *Витальность воплощенного Я* был обнаружен эффект «потолка» (27%).

Конструктная валидность. Собранные эмпирические данные были изучены с помощью метода главных компонент. Пошагово удалялись пункты, которые: 1) слабо нагружали компоненты, отражающие теоретические шкалы; 2) имели высокие нагрузки сразу в нескольких компонентах. Сохранялись пункты, имеющие нагрузки более 0,5 в «своей» компоненте и не имеющие нагрузок, которые превышали бы 0,4 в «чужой» компоненте. Полученный вариант опросника, включающий четыре шкалы и 24 пункта (по 6 пунктов на шкалу), был проверен на валидность и надежность.

Определение оптимального количества компонент устанавливалось при помощи критерия Кайзера–Гуттмана (см. Приложение Д2 в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/kbnttr>) и критерия MAP Велицера. Согласно обоим критериям оптимальными были четыре компонента. Далее был проведен анализ главных компонент (см. Приложение Д3 в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/kbnttr>). Максимальные нагрузки пункты имели в «своих» компонентах. Некоторые пункты — №№ 5, 6, 8, 9, 12, 21 и 23 — имели выраженные нагрузки (более 0,3) в «чужих» компонентах. Первая компонента объясняла 15,29% общей дисперсии, вторая — 14,50%, третья — 14,49%, четвертая — 14,09%. Совокупно четыре компонента объясняли 58,36% дисперсии пунктов.

Для изучения альтернативных моделей было использовано структурное моделирование. Проверялись три модели: иерархическая, коррелирующая и бифакторная. Индексы пригодности моделей приведены в таблице 2.

Бифакторная модель была непригодной по критериям CFI и TLI (<0,90) и SRMR (>0,08), достигая приемлемого уровня только по критерию RMSEA (<0,08). Общий фактор значимо нагружал все пункты опросника ($p < 0,05$). Групповые факторы также значимо нагружали соответствующие им пункты. За исключением группового фактора, связанного с пунктами шкалы *Невоплощенности как виртуализации*, который значимо нагружал только пункты №№ 13 и 17, пункты №№ 1, 5, 9 и 21 не имели значимых нагрузок по данному фактору.

Таблица 2

**Робастные характеристики альтернативных моделей опросника
 «Невоплощенность в Интернете», выявленные по результатам
 конфирматорного факторного анализа (N=200)**

Модели	$\chi^2(df)$ Саттора-Бентлер	CFI	TLI	RMSEA [90% CI]	SRMR	AIC	BIC
Бифакторная модель с четырьмя групповыми факторами и одним общим фактором	399,91(228)***	0,898	0,877	0,067 [0,056; 0,078]	0,084	10232	10469
Иерархическая модель с четырьмя латентными факторами первого порядка и одним фактором второго порядка	393,54(246)***	0,908	0,897	0,061 [0,050; 0,073]	0,090	10213	10392
Модель коррелирующих факторов с четырьмя латентными факторами	359,27(244)***	0,928	0,918	0,055 [0,042; 0,066]	0,063	10177	10362
Модель с четырьмя независимыми латентными факторами (некоррелирующая)	510,78(250)***	0,835	0,818	0,082 [0,072; 0,092]	0,212	10364	10529

Примечание: $\chi^2(df)$ Саттора-Бентлер — значение статистики хи-квадрат Саттора-Бентлера со степенями свободы; TLI — индекс Такера-Льюиса; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (в квадратных скобках приведены 90% доверительные интервалы); SRMR — стандартизованный корень среднеквадратического остатка; AIC — информационный критерий Акаике; BIC — байесовский информационный критерий; ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Иерархическая модель была приемлема по критериям CFI (>0,90) и RMSEA (<0,08), но по критериям TLI (<0,90) и SRMR (>0,08) была непригодной. Фактор второго порядка имел значимые регрессионные коэффициенты с факторами первого порядка: с фактором, отражающим *Воплощенное, целостное Я* ($\beta=-0,54$, $p=0,01$); с фактором, ассоциированным с *Невоплощенностью как виртуализацией* ($\beta=0,88$, $p<0,001$); с фактором *Предпочтение технологического развоплощения* ($\beta=0,75$, $p<0,001$); с фактором, характеризующим *Витальность воплощенного Я* ($\beta=-0,55$, $p<0,001$).

Модель коррелирующих факторов была приемлемо (CFI и TLI более 0,90) и хорошо (RMSEA<0,06 и SRMR<0,08) согласована с данными (рис. 1). Все латентные факторы, ассоциированные с теоретическими шкалами, имели значимые корреляции (см. Приложение Д4 в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/k6ntr>). Факторы *Невоплощенность как виртуализация* и *Предпочтение технологического развоплощения* были тесно положительно связаны ($r=0,71$, $p<0,001$). Столь же тесно положительно были связаны факторы *Воплощенное, целостное Я* и *Витальность воплощенного Я* ($r=0,65$, $p<0,001$). Все остальные факторы коррелировали между собой умеренно и отрицательно.

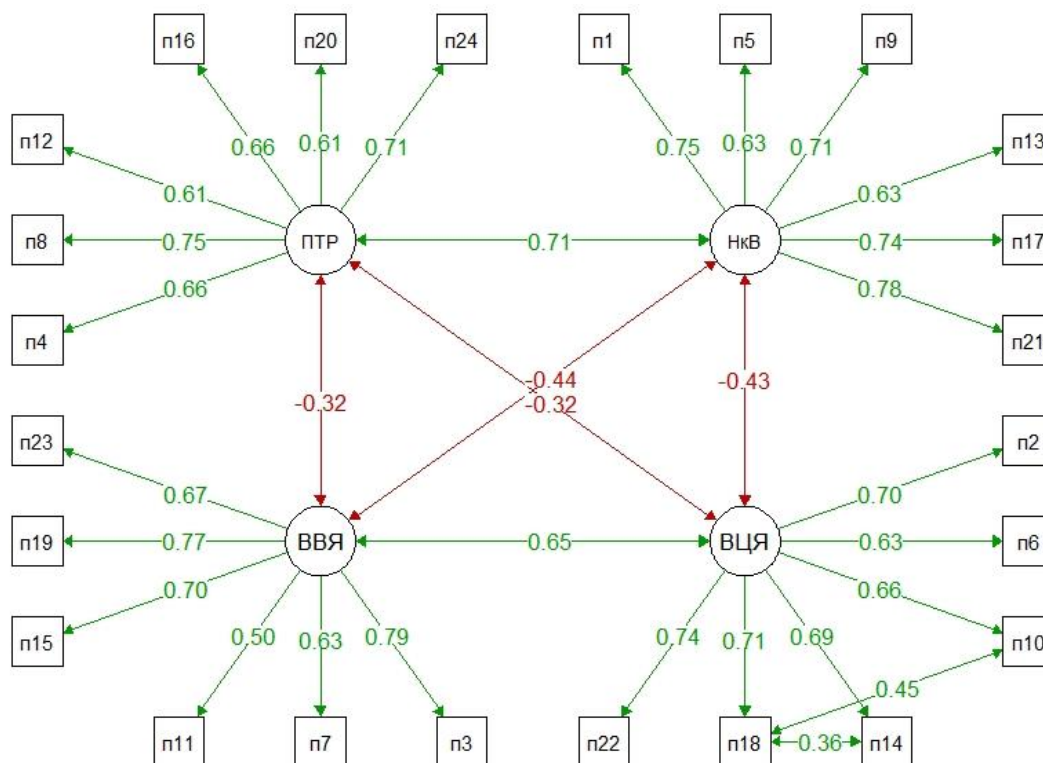

Рис. 1. Коррелирующая модель конструкта Невоплощенности в Интернете

Примечание: НкВ — Невоплощенность как виртуализация; ВЦЯ — Воплощенное, целостное Я; ВВЯ — Витальность воплощенного Я; ПТР — Предпочтение технологического развоплощения. п1–п24 — пункты опросника.

Некоррелирующая модель была непригодной по всем критериям: CFI и TLI менее 0,90, SRMR и RMSEA более 0,08. Она имела наихудшую согласованность с данными из всех тестируемых моделей.

В коррелирующую, некоррелирующую и иерархическую модели были добавлены ковариации между следующими пунктами шкалы *Воплощенное, целостное Я*: 10 и 18; 14 и 18. Для коррелирующей модели коэффициент корреляции между 10 и 18 пунктами был равен 0,46 ($p < 0,001$), между пунктами 14 и 18 — 0,36 ($p = 0,002$).

Информационные критерии, по которым сравнивались три модели, приведены в таблице 2. Иерархическая модель была лучше бифакторной, имея более низкие значения критериев ($\Delta AIC = 19$, $\Delta BIC = 77$). В свою очередь модель коррелирующих факторов была лучше иерархической ($\Delta AIC = 36$, $\Delta BIC = 30$). Некоррелирующая модель была вложенной в модель коррелирующих факторов, поэтому сравнивалась по критерию χ^2 с поправкой Саттора–Бентлера. Коррелирующая модель была значимо лучше некоррелирующей ($\chi^2(6) = 106,44$, $p < 0,001$). Таким образом, модель коррелирующих факторов показала наибольшую согласованность с данными. Структурный граф коррелирующей модели представлен на рисунке 1.

Конвергентная валидность. Конвергентная валидность изучалась с помощью корреляционного анализа по критерию Спирмена показателей шкал опросника *Невоплощенности в Интернете* и *Шкалы интернет-зависимости (CIAS)* С.Х. Чена (см. Приложение Д5 в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/k6ntr>). Все шкалы CIAS значимо коррелировали со шкалами опросника *Невоплощенности в Интернете*. Связи со шкалами *Невоплощенность как виртуализация* и *Предпочтение технологического развоплощения* были более выраженными и положительными. Связи со шкалами *Воплощенное, целостное Я* и *Витальность воплощенного Я* были более умеренные и отрицательные.

Надежность. В Приложении Д6 (в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/k6ntr>) приведены значения альфы Кронбаха, омеги МакДональда и наибольшей нижней границы, сообщающие о надежности опросника. Все показатели были больше 0,8, что говорит о хорошей внутренней согласованности шкал.

Дискриминативность. В Приложении Д6 (в репозитории OSF по ссылке: <https://osf.io/k6ntr>) представлены результаты оценки дискриминативности шкал; значения близкие к единице свидетельствуют в пользу высокой дискриминативности. Шкала *Невоплощенность как виртуализация* демонстрирует слабую дискриминативность ($\Delta = 0,82$). Шкалы *Воплощенное, целостное Я* ($\Delta = 0,97$) и *Предпочтение технологического развоплощения* ($\Delta = 0,96$) показывают хороший уровень дискриминативности. *Витальность воплощенного Я* ($\Delta = 0,91$) имеет средний уровень дискриминативности.

Обсуждение

Предварительная работа по отбору пунктов, соответствующих теоретическому конструкту, позволила выбрать 35 вопросов из обширного пула (более 100 вопросов). С помощью анализа главных компонент из 35 пунктов удалось отобрать 24, достаточно хорошо согласующихся с конструктом. Этот вариант опросника далее проверялся на валидность и надежность.

Проверка на нормальность распределения показала, что эмпирическое распределение пунктов и шкал опросника не соответствует нормальному, поэтому применялись методы, устойчивые к нарушениям нормальности. Был обнаружен

эффекта «пола» для шкал *Невоплощенность как виртуализация* и *Предпочтение технологического развоплощения*, что может быть связано: 1) с малой представленностью невоплощенности и развоплощения в популяции и/или выборке; 2) со слабой рефлексией данных феноменов респондентами; 3) с тенденцией к даче социально желательных ответов по этим шкалам. Для шкалы *Витальность воплощенного Я* был обнаружен эффект «потолка». Этот факт также можно связать со стремлением респондентов давать социально желательные ответы, либо с высокой оценкой своих физических характеристик.

Конструктная валидность проверялась с помощью анализа главных компонент. Оптимальными были 4 компоненты, что соответствовало теоретическому конструкту. Доля дисперсии, приходящаяся на первую компоненту, составляла 15,29%. Компонента включала 6 пунктов, соответствующих одному из двух измерений воплощенности гипотетического конструкта — *Воплощенное, целостное Я*. Характеристика указывает на единство ментального Я и физического тела, составляющих ядро индивидуального бытия. Хорошая физическая форма, забота о ней, активный образ жизни подразумевают удовлетворенность состоянием здоровья. Их органично дополняет признание, касающееся внешней привлекательности.

Во вторую компоненту (14,50% дисперсии) вошли 6 пунктов, содержание которых соответствует измерению теоретического конструкта *Невоплощенность как виртуализация*. Основная смысловая нагрузка в суждениях, составляющих шкалу, приходится на идею виртуализации как переживания дереализации, утраты пользователем ощущения субстанциональности, достоверности, надежности своего развоплощенного Я и бытия в целом: «Мое существование похоже на сон»; «Временами мне кажется, что меня вообще не существует»; «Моя жизнь представляется мне иллюзией». Виртуализация соотносится с переживаниями «выброшенности» из жизни, отстраненности от собственного тела, поведения, поступков. Если в предыдущей версии опросника аналогичная компонента содержала одно суждение, которое можно было расценивать как специфичное применительно к цифровой среде, то в новой версии таковых не оказалось. Неспецифичность пунктов указывает на виртуализацию как следствие предпочтения технологического развоплощения в Интернете, проявляющееся в жизни за его пределами.

Доля дисперсии, приходящаяся на третью компоненту, составила 14,49%. Входящие в нее 6 пунктов, имеют отношение к измерению теоретического конструкта *Предпочтение технологического развоплощения*. Центральное место в компоненте занимают суждения, подразумевающие негативную оценку тела и восприятие возможности развоплощения как блага: «Меня привлекает то, что, когда я нахожусь онлайн, тело исчезает и остаются одни мысли»; «Находясь в Интернете, я забываю про свое тело, превращаясь в чистый разум». К преимуществам технологического способа отделаться от физического тела в обсуждаемом измерении методики относятся легкость состояния «зависания», свобода развоплощенной мысли, шанс стать невидимкой, анонимом, голосом или образом, «цифровым телом», выбранным по собственному желанию.

Четвертая компонента с долей дисперсии 14,09% включала 6 пунктов, соответствующих измерению конструкта *Витальность воплощенного Я*. В нем

доминируют суждения, утверждающие ценность близкого личностного, «живого» общения за пределами сети, способность его поддерживать: «У меня есть круг близких мне людей, с которыми мы периодически встречаемся»; «Я не променяю очное дружеское общение на виртуальное». Речь идет о сфере, которую М. Бубер называл «жизнь с людьми», об отношении к другому человеку как к своему «Ты», являющемуся условием диалога, встречи, подлинной жизни [3]. В виртуальном общении возможность такого рода взаимодействия существенно ограничивает связанная с дефицитом телесно-пластических свойств Другого и предметно-фигуративного контекста, избыточная Я-центрация, из-за которой участники коммуникации не составляют друг для друга оформленной пластической ценности и как бы «пустеют» [9, с. 500]. В то же время в Я-центрации можно усмотреть источник иллюзий, на которых основаны дисфункциональные убеждения, способствующие проблемному использованию Интернета [2, с. 103]. Воплощенная личность, которая формирует свой образ и образ другого в контактах лицом к лицу, предпочитая их виртуальному общению, критически относится к «миражам» Интернета. Витальность воплощенного Я проявляется в возможности распоряжаться своей судьбой, выбирать путь в жизни, избежав дезориентации среди множества мнимых альтернатив, в изобилии представленных в сети.

В итоге анализ главных компонент продемонстрировал согласованность теоретического конструкта и полученных эмпирических данных. В структуре методики «Невоплощенность в Интернете» выявлены альтернативные характеристики технологического развоплощения: невоплощенности как виртуализации, с одной стороны, а с другой — воплощенного в собственном физическом теле целостного Я и воплощенного бытия. Б. Беккер в начале цифровой эры противопоставляла полностью сконструированное, исходящее главным образом из сознания ощущение воплощения в виртуальных средах переживанию воплощения в физическом мире, реальном общении, основанному на включенности посредством тела и чувств [16]. Аналогичную проблематику в условиях современных информационных технологий обсуждает А.Н. Исаева [9].

Поскольку возможны альтернативные модели, объясняющие эмпирические данные, был проведен подтверждающий факторный анализ. Изучались бифакторная, иерархическая, коррелирующая и некоррелирующая модели. В иерархическую, коррелирующую и некоррелирующую модели были добавлены ковариации ошибок между пунктами 10 и 18, а также 14 и 18. Это было обусловлено тем, что указанные пункты содержали дополнительный феномен: физическую форму («Меня устраивает моя физическая форма»; «Я забочусь о своей физической форме»; «Я в хорошей физической форме»). Помимо атрибута воплощенного в теле целостного Я, он имеет самостоятельное содержание.

Согласно теоретическому конструкту ожидалось, что наилучшим образом эмпирические данные будет описывать иерархическая модель. Однако наилучшие результаты продемонстрировала модель коррелирующих факторов. Таким образом, четыре измерения невоплощенности в Интернете значимо взаимосвязаны, но достаточно самостоятельны и не формируют общий фактор.

Умеренно отрицательная корреляция между факторами-шкалами невоплощенности и технологического развоплощения, с одной стороны, и шкалами воплощенного

бытия, с другой, позволяет предположить, что воплощенность можно рассматривать в качестве ресурса, противодействующего развоплощению при использовании информационных технологий.

Как и следовало ожидать, выявлены многочисленные прямые и значимые, в основном средние, взаимосвязи показателей интернет-зависимости с характеристиками невоплощенности, а также значимые умеренные обратные взаимосвязи с характеристиками воплощенности. Связи шкал *Предпочтение технологического развоплощения* и *Невоплощенность как виртуализация с Ключевыми симптомами интернет-зависимости* позволяют предположить, что слабость расколотого, неполного Я в случае технологического развоплощения соответствует традиционной симптоматике слабости аддиктивного Я, указывающей на паралич воли. Связи тех же показателей с *Проблемами, связанными с интернет-зависимостью* (внутриличностными и с управлением временем), дают основание включить в круг традиционных проблем интернет-зависимости проблемы виртуализации, дереализации, порождаемые развоплощенным технологическим способом бытия. Наиболее тесные связи *Предпочтения технологического развоплощения* с измерениями интернет-зависимости, предположительно, позволяют рассматривать соответствующую мотивацию в качестве особого рода мотивации нового вида аддикции. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о достаточно высокой внешней конвергентной валидности обсуждаемого опросника оценки невоплощенности в Интернете.

Надежность методики по внутренней согласованности подтверждается тремя критериями: альфой Кронбаха, омегой МакДональда и показателем наибольшей нижней границы. Последняя имеет наиболее высокие значения и при условии ненормального распределения шкал дает наиболее достоверные результаты. Дискриминативность для трех шкал была приемлемой, для шкалы *Невоплощенность как виртуализация* — несколько снижена.

Выводы

Конструкт уточненной версии методики «Невоплощенность в Интернете» приведен в большее соответствие диагностируемому феномену. Шкалы опросника — *Предпочтение технологического развоплощения*, *Невоплощенность как виртуализация*, а также *Воплощенное, целостное Я* и *Витальность воплощенного Я* — позволяют диагностировать как формы опыта, соответствующие модусам бытия современного человека в Интернете и за его пределами, так и их соотношение. Психометрическая проверка опросника подтвердила, что он отвечает требованиям валидности и надежности-самосогласованности и может использоваться для дальнейшего изучения феномена невоплощенности в Интернете.

Ограничения и перспективы исследования

Укажем некоторые проблемные моменты и предложим пути их возможного решения. Несмотря на то, что объем выборки превышает минимально рекомендуемый, в перспективе следует изучить структуру методики на выборке большего объема. Перспективой исследования может стать проверка инвариантности измерений по

полу и возрасту, однако это также требует пропорционального увеличения выборки. Обнаруженные эффекты «пола и потолка» для шкал методики предполагают дополнительные исследования с целью изучения возможных причин этого явления. Основное предположение авторов на этот счет связано с эффектом социальной желательности. Если данное предположение верно, то эффект можно нивелировать или уменьшить, используя в едином комплексе с разработанной методикой тест на социальную желательность. Дисперсию социальной желательности затем можно статистически учесть.

Ограничения настоящего исследования относятся к отсутствию теоретических и эмпирических разработок ряда феноменов, связанных с технологическим развоплощением: виртуальной идентичности, истинности–ложности виртуального Я, психологических границ и тревог развоплощенного Я, в связи с которыми могли бы полнее обнаружиться характеристики состояния невоплощенности в Интернете. Это открывает обширные перспективы дальнейших исследований, к которым можно также отнести выход за пределы концептуальных оснований клинической модели использования информационных технологий.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Белинская Е.П. Психология Интернет-коммуникации: учеб. пособие. М.: изд-во МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.
4. Воннегут К. Люди без тел // Супер Триллер. 2007. № 8 (131). С. 1–7.
5. Выступление Маршалла Маклюэна на семинаре профессора Форсдэйла 17 июля 1978 г., Тичерс-Колледж, Университет Колумбии, Нью-Йорк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (дата обращения: 07.10.2023).
6. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 56–79. DOI: 10.17759/cpp.2018260304
7. Зинченко В.П., Подорога В.А. О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение, 2005. № 1. С. 34–43 [Электронный ресурс]. URL: https://nrpsy.ru/teoria_dusha_zinchenko.html (дата обращения: 07.10.2023).
8. Интернет-зависимое поведение: критерии и методы диагностики: учеб. пособие / Под ред. В.Л. Малыгина. М.: изд-во МГМСУ, 2011. 33 с.
9. Исаева А.Н. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Том 18. № 3. С. 491–505. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-491-505

Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Козлова Л.А.
Психометрическая проверка уточненной версии
опросника «Невоплощенность в Интернете»
Клиническая и специальная психология
2023. Том 12. № 3. С. 165–187.

Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Kozlova L.A.
Psychometric Verification of a Refined Version
of the "Unembodiment on the Internet" Questionnaire
Clinical Psychology and Special Education
2023, vol. 12, no. 3, pp. 165–187.

10. Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Дорфман Л.Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 1: теоретические основания и конструкт // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 1 № 3. С. 31–48. DOI: 10.17759/cpse.2021100303
11. Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Дорфман Л.Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 205–233. DOI: 10.17759/cpse.2021100410
12. Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я». Экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. М.: изд-во ИОИ, 2017. 350 с.
13. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015. 115 с.
14. Эверитт Б.С. Большой словарь по статистике. 3-е изд. М.: Проспект, 2010. 736 с.
15. Awang Z. Structural equation modeling using Amos Graphic. Malaysia: University Technology MARA Press, 2012, 167 p.
16. Becker B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments // Women, Work and Computerization: Spinning a Web from Past to Future. Proceedings of the 6th International IFIP Conference, Bonn, Germany, May 24–27 / A.F. Grundy, D. Köhler et al (Eds.). Springer, 1997. P. 211–212.
17. Bell D. An introduction to cybercultures. London, New York: Routledge, 2001. 246 p.
18. Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. New York, London: The Guilford Press, 2015. 462 p.
19. Chen Y.F., Peng S.S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation // CyberPsychology & Behavior. 2008. Vol. 11 (4). P. 467–469. DOI: 10.1089/cpb.2007.0128
20. Ferguson G.A. On the theory of test discrimination // Psychometrika. 1949. Vol. 14. P. 61–68. DOI: 10.1007/BF02290141
21. George D., Mallery P. IBM SPSS statistics 23 step by step: A simple guide and reference. New York: Routledge, 2016. 386 p. DOI: 10.4324/9781315545899
22. Hankins M. Questionnaire discrimination:(re)-introducing coefficient δ // BMC Medical Research Methodology. 2007. Vol. 7 (1). P. 19. DOI: 10.1186/1471-2288-7-19
23. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 6 (1). P. 1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118
24. Itten T. Laing in Austria // Janus Head. Special Issue: The Legacy of R.D. Laing. Ed. by D. Burston. 2001. Vol. 4. № 1. URL: <http://janushead.org/wp-content/uploads/2020/07/Theodor-Itten.pdf> (дата обращения: 07.10.2023)

25. Kang S. Disembodiment in online social interaction: Impact of online chat on social support and psychosocial well-being // *CyberPsychology & Behavior*. 2007. Vol. 10. № 3. P. 475–477. DOI:10.1089/cpb.2006.9929

26. Laconi S., Rodgers F., Chabrol H. The measurement of Internet addiction: A critical review of existing scales and their psychometric properties // *Computers in Human Behavior*. 2014. Vol. 41. P. 190–202. DOI: 10.1016/j.chb.2014.09.026

27. Lim C.R., Harris K., Dawson J. et al. Floor and ceiling effects in the OHS: An analysis of the NHS PROMs data set // *BMJ open*. 2015. Vol. 5 (7). P. e007765. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-007765

28. Sullivan A. I used to be a human being // *New York Magazine*. 2016. Vol. 19. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2016/09/andrew-sullivan-my-distraction-sickness-and-yours.html> (дата обращения: 07.10.2023)

29. Terwee C.B., Bot S.D., de Boer M.R., et al. Quality criteria were proposed for measurement properties of health status questionnaires // *Journal of Clinical Epidemiology*. 2007. Vol. 60 (1). P. 34–42. DOI: 10.1016/j.jclinepi.2006.03.012

30. Trizano-Hermosilla I., Alvarado J.M. Best alternatives to Cronbach's Alpha reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 769. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00769

References

1. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva [Globalization: The Human Consequences]. Moscow: Ves' Mir, 2004. 188 p. [In Russ.]

2. Belinskaya E.P. Psikhologiya Internet-kommunikatsii: ucheb. posobie. Moscow: Publ. of MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 192 p. [In Russ.]

3. Buber M. Dva obraza very. Moscow: Respublika, 1995, pp. 15–92. [In Russ.]

4. Vonnegut K. Lyudi bez tel. *Super Triller*. 2007. No. 8 (131), pp. 1–7. [In Russ.]

5. Vystuplenie Marshalla Maklyuena na seminare professora Forsdeila 17 iyulya 1978 g., Tichers-Kolledzh, Universitet Kolambii, N'yu-Iork [Marshall McLuhan's speech at professor Forsdale's seminar on 17.07.1978. Teachers College, Columbia University, New York]. URL: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (Accessed: 07.10.2023). [In Russ.]

6. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. Obshchaya shkala problemnogo ispol'zovaniya interneta: aprobatsiya i validizatsiya v rossiiskoi vyborke tret'ei versii oprosnika [The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 56–79. DOI: 10.17759/cpp.2018260304 [In Russ., abstr. in Engl.]

7. Zinchenko V.P., Podoroga V.A. O chelovecheskoi dushe i ploti. *Znanie. Ponimanie. Umenie=Knowledge. Understanding. Skill*, 2005, no. 1, pp. 34–43. URL: https://nrpsy.ru/teoria_dusha_zinchenko.html (Accessed: 07.10.2023). [In Russ.]
8. Internet-zavisimoe povedenie: kriterii i metody diagnostiki: ucheb. posobie / V.L. Malygin et al (eds.). Moscow: Publ. of MSUMD, 2011. 33 p. [In Russ.]
9. Isaeva A.N. «Bestelesnost'» lichnosti v usloviyakh virtual'noi kul'tury [The "Disembodiment" of the Personality in the Context of Virtual Culture]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki= Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 491–505. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-491-505 [In Russ., abstr. in Engl.]
10. Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Dorfman L.Ya. Nevoploshchennost' v Internetе. Soobshchenie 1: teoreticheskie osnovaniya i konstrukt // *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*. 2021. Tom 1 № 3. S. 31–48. DOI: 10.17759/cpse.2021100303 [In Russ., abstr. in Engl.]
11. Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Dorfman L.Ya. Nevoploshchennost' v Internetе. Soobshchenie 2. Psikhometricheskaya proverka instrumentariya [Unembodiment in the Internet. Part 2. Psychometric Verification of the Questionnaire]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya=Clinical Psychology and Special Education*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 205–233. DOI: 10.17759/cpse.2021100410 [In Russ., abstr. in Engl.]
12. Leing R.D. Raskolotoe «Ya». Ekzistentsial'noe issledovanie «normal'nosti» i bezumiya. Fenomenologiya perezhivaniya i Raikaya ptichka [The divided self: An existential study in sanity and madness]. Moscow: Publ. of IOI, 2017. 350 p. [In Russ.]
13. Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologii na cheloveka. Moscow: Akropol', 2015, 115 p. [In Russ.]
14. Everitt B.S. *Bol'shoi slovar' po statistike*. 3-e ed. Moscow: Prospekt, 2010. 736 p. [In Russ.]
15. Awang Z. *Structural Equation Modeling Using Amos Graphic*. Malaysia: University Technology MARA Press, 2012, 167 p.
16. Becker B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments. In A.F. Grundy, D. Köhler et al (Eds.), *Women, Work and Computerization: Spinning a Web from Past to Future. Proceedings of the 6th International IFIP Conference, Bonn, Germany, May 24–27*. Springer, 1997, pp. 211–212.
17. Bell D. *An introduction to cybercultures*. London, NY: Routledge, 2001, 246 p.
18. Brown T. *Confirmatory factor analysis for applied research*. NY, London: The Guilford Press, 2015, 462 p.
19. Chen Y.F., Peng S.S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation. *CyberPsychology & Behavior*, 2008. Vol. 11 (4), pp. 467–469. DOI: 10.1089/cpb.2007.0128

20. Ferguson G.A. On the theory of test discrimination. *Psychometrika*, 1949. Vol. 14, pp. 61–68. DOI: 10.1007/BF02290141
21. George D., Mallery P. IBM SPSS statistics 23 step by step: A simple guide and reference. NY: Routledge, 2016, 386 p. DOI: 10.4324/9781315545899
22. Hankins M. Questionnaire discrimination:(re)-introducing coefficient δ . *BMC Medical Research Methodology*, 2007. Vol. 7 (1), p. 19. DOI: 10.1186/1471-2288-7-19
23. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 1999. Vol. 6 (1), pp. 1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118
24. Itten T. Laing in Austria. In D. Burston (ed.), *Janus Head. Special Issue: The Legacy of R.D. Laing*, 2001. Vol. 4, no. 1. URL: <http://janushead.org/wp-content/uploads/2020/07/Theodor-Itten.pdf> (Accessed: 07.10.2023)
25. Kang S. Disembodiment in online social interaction: Impact of online chat on social support and psychosocial well-being. *CyberPsychology & Behavior*, 2007. Vol. 10, no. 3, pp. 475–477. DOI: 10.1089/cpb.2006.9929
26. Laconi S., Rodgers F., Chabrol H. The measurement of Internet addiction: A critical review of existing scales and their psychometric properties. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 41, pp. 190–202. DOI: 10.1016/j.chb.2014.09.026
27. Lim C.R., Harris K., Dawson J. et al. Floor and ceiling effects in the OHS: An analysis of the NHS PROMs data set. *BMJ Open*, 2015. Vol. 5 (7), pp. e007765. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-007765
28. Sullivan A. I used to be a human being // New York Magazine. 2016. Vol. 19. URL: <https://nymag.com/intelligencer/2016/09/andrew-sullivan-my-distraction-sickness-and-yours.html> (Accessed: 07.10.2023)
29. Terwee C.B., Bot S.D., de Boer M.R., et al. Quality criteria were proposed for measurement properties of health status questionnaires. *Journal of Clinical Epidemiology*, 2007. Vol. 60 (1), pp. 34–42. DOI: 10.1016/j.jclinepi.2006.03.012
30. Trizano-Hermosilla I., Alvarado J.M. Best alternatives to Cronbach's Alpha reliability in realistic conditions: Congeneric and asymmetrical measurements. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, pp. 769. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00769

ПРИЛОЖЕНИЕ

Бланк и ключи опросника «Невоплощенность в Интернете»

Инструкция: Ниже приведен список высказываний, связанных с жизнью современного человека онлайн и офлайн. К ним предлагаются 4 варианта ответа. Выберите тот, который Вам наиболее подходит.

№	Утверждения	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
		1	2	3	4
1	Порой я не знаю, существую ли я на самом деле				
2	Я доволен (довольна) своим здоровьем				
3	Я способен (способна) изменить свою жизнь в лучшую сторону				
4	Интернет позволяет человеку «убежать» из собственного тела				
5	Меня преследует ощущение нереальности того, что происходит вокруг меня				
6	Мне нравится моя внешность				
7	У меня есть круг близких мне людей, с которыми мы периодически встречаемся				
8	Меня привлекает то, что, когда я нахожусь онлайн, тело исчезает, и остаются одни мысли				
9	Я как будто выброшен(а) из реальной жизни				
10	Меня устраивает моя физическая форма				
11	Я не променяю очное дружеское общение на виртуальное				
12	Я ценю Интернет за возможность на какое-то время отделаться от физического тела				
13	Мое существование похоже на сон				
14	Я забочусь о своей физической форме				
15	Я сам(а) выбираю свой жизненный путь				
16	В сети, в отличие от обычной жизни, я могу выбрать себе любое тело				
17	Моя жизнь представляется мне иллюзией				
18	Я в хорошей физической форме				
19	Я могу сам(а) о себе позаботиться				
20	Мне нравится возможность оставаться неузнанным (неузнанной) онлайн				
21	Временами мне кажется, что меня вообще не существует				
22	Я вполне здоров(а)				
23	У меня достаточно сил и здоровья, чтобы справиться с жизненными трудностями				
24	Находясь в Интернете, я забываю про свое тело, превращаясь в чистый разум				

Ключи к опроснику

Шкала	Пункты, входящие в шкалу					
Невоплощенность как виртуализация	1	5	9	13	17	21
Воплощенное, целостное Я	2	6	10	14	18	22
Витальность воплощенного Я	3	7	11	15	19	23
Предпочтение технологического развоплощения	4	8	12	16	20	24

Подсчет баллов по шкалам ведется простым суммированием: 1 балл присваивается за ответ «Полностью не согласен», 4 балла — за ответ «Полностью согласен».

Информация об авторах

Коптева Наталья Васильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры практической психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>, e-mail: kopteva@pspu.ru

Калугин Алексей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>, e-mail: kaluginau@yandex.ru

Козлова Любовь Александровна, аспирант кафедры практической психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0581-8403>, e-mail: kozlova.l-77@mail.ru

Information about the authors

Natalia V. Kopteva, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Practical Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>, e-mail: kopteva@pspu.ru

Alexey Yu. Kalugin, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>, e-mail: kaluginau@yandex.ru

Lyubov A. Kozlova, PhD student, Department of Practical Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0581-8403>, e-mail: kozlova.l-77@mail.ru

Получена: 27.07.2023

Received: 27.07.2023

Принята в печать: 07.10.2023

Accepted: 07.10.2023